

О своём дедушке рассказывает ведущий специалист прокуратуры Вейделевского района Белгородской области Лариса Таранцова

Я хочу рассказать о моем дедушке – **Вернигоре Василии Константиновиче**, 01 апреля 1931 года рождения. Он не участвовал в военных действиях, не был призван на фронт в силу возраста. Но его вклад в приближение Великой Победы тоже заслуживает внимания.

В январе 1943 года началась Острогожско-Россошанская операция, в ходе которой был освобожден от фашистской оккупации и Вейделевский район. Весной нужно было пахать, сеять. Но на полях оставалось много неразорвавшихся мин и снарядов, их нужно было убирать. Мой дедушка, Вернигора Василий Константинович, в детстве был рослым, сильным, крепким, и его брали старшие ребята с собой. За ним в бригаде были закреплены волы с телегой. Он запрягал волов и ехал в поле (кстати, волов запрягать гораздо тяжелее, чем лошадей. Одно деревянное ярмо чего стоит!)

Ребята собирали неразорвавшиеся мины, снаряды, осторожно укладывали их на повозку и увозили в лес «Бакунцев». У них был руководитель Божко Михаил Никифорович, он по ранению вернулся домой и работал в школе военруком. Когда собирали по несколько штук снарядов, он сообщал в Вейделевку в военкомат, приезжали взрывники и взрывали снаряды. Очень опасным было это дело, много ребят тогда погибло по неосторожности. Но это была помощь нашей Армии, на полях, с которых были собраны мины, сеяли и убрали хлеб.

А 6 июня 1945 года мой дедушка, четырнадцатилетний подросток, Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Спасли раненого командира

(рассказ от первого лица)

«Мне было 10 лет к началу войны, и я хорошо помню 1942 год, время оккупации Николаевки фашистами.

Наш отец, Вернигора Константин Алексеевич, и старший брат Александр, были призваны на фронт в самом начале войны. Дома оставались 80-летний дедушка, мама и четверо детей, старшая из которых Мария, была уже взрослой и работала в колхозе. Её, как и других женщин и девушек, отправили рыть окопы. Все работы по дому легли на наши с дедушкой плечи. А это и покормить корову, овечку, нарубить из тёрна дров, протопить в хате, чтобы нагреть лежанку. Она была большая, на ней спали мама и все мы. Дедушка спал на самодельном диванчике.

Когда немцы стали приближаться к нашим краям, дедушка сказал: «Так, Васько, давай рыть землянку». У нас была большая пасека, за пасекой и вырыли землянку. В сарае закопали бочонок с медом. Дедушка говорил: «Так, на всякий случай».

В июле 1942 года начали отступать советские войска, отступали не растягиваясь, чтобы в любой момент вступить в бой, и малыми группами догоняли свои войска на Воронежском направлении.

Солдаты шли прямо возле нашего огорода. Мы, мальчишки, стояли на огороде, возле дороги. Вдруг появились немецкие самолеты и стали бомбить наших отступающих, они бежали кто куда, падали, поднимались и опять бежали. Мы тоже упали на огороде. Три бомбы упали в Долин лес (так назывался район Николаевки, где мы жили).

Когда мы поднялись и хотели бежать домой, нас позвал военный и попросил: «Ребята, покажите нам дорогу на Новоалександровку». Мы с Иваном Вернигорой согласились. Нас посадили на повозку, и мы поехали. Доехали до станového, показали, куда им ехать, они нас поблагодарили, и мы побежали по яру в сторону Зрубцев (лесок недалеко от Николаевки).

Полями бегом добрались до Николаевки. Был уже вечер. Мама подоила корову, покормила нас нехитрым ужином, и мы все улеглись на земляном полу на соломе. Пережитые за день впечатления не давали уснуть. Когда совсем стемнело, кто-то тихонько постучал в окно. Мы, дети, вскочили, но дедушка сказал: «Лежите, я сам выйду и узнаю, что кому надо». Он вышел на улицу, его долго не было. Мы не спали. Потом он вошел и позвал маму, и они вышли во двор. Мы не спали, дожидались их. А когда дедушка с мамой вернулись, они нам ничего не рассказали, просто сказали: «Спите».

На следующий день прошли наши солдаты. Следом послышался рёв моторов, это двигались на мотоциклах немцы. Наша хата была крайняя, потому они подъехали прямо к нам, их было четверо. Сразу начали везде шарить, искать что-то. Когда зашли за пасеку, увидели маму с тремя детьми, немец подскочил, начал кричать на своём языке, стрелять в воздух. Все плакали, очень испугались, мама тоже плакала. Мы с дедушкой были во дворе, прибежали за пасеку. Дедушка начал просить, чтобы не трогали маму и детей. Но немец кричал: «Партизан! Партизан!» и стрелял в воздух.

Позже мы узнали, что ночью, когда мама и дедушка выходили во двор, к нам принесли раненого офицера, его спрятали в ту самую землянку, что мы

рыли с дедушкой. Но немцы в землянку не заглянули. Было очень страшно. Взрослые понимали, как и чем рискуют. Мама с Марией перевязали раненого, покормили.

На следующую ночь пришли военные, молодые ребята. Дедушка позвал меня, мы вышли на улицу. Немцы в хате кутили, пили, играли на губных гармошках. Потом они успокоились, улеглись спать в комнате на полу на соломе. А мы с дедушкой пошли к землянке. Там уже стояли двое военных. Было темно. Дедушка сказал мне: «Иди к Ивану (Вернигоре), и проводите с ним этих ребят в Дибривку (покатый яр за Николаевкой), но так, чтобы никто не встретился, никто не увидел».

Когда мы их проводили, они сказали, что в такой-то день ночью придут сюда снова, а мы чтобы их ждали. Они приходили не часто, то еду приносили для раненого, то бинты, лекарства. Мы всё отдавали дедушке, а он относил в землянку.

Если военным нужно было общаться с раненым, они приходили в землянку, а мы потом провожали их обратно в Дибривку. Мы не знали, откуда они приходили и куда уходили. Но знали, что в землянке находится раненый офицер, командир. Никто в Долином лесу не ведал об этом. Дедушка нас строго предупредил, что, если мы с Иваном скажем хоть слово, нас всех немцы расстреляют. Мы молчали и после того, как немцы ушли вслед нашим отступающим, но оставались полицаи, а они были страшнее немцев.

Лечили офицера с июня по октябрь 1942 года. В одну из октябрьских ночей, когда было уже холодно, пришли военные и забрали с собой уже выздоровевшего и окрепшего командира. Я тогда очень жалел, что так и не узнал имя того спасенного командира.

Эта история почти забылась, никто ни о чем не говорил. Просто знали, что так мог поступить каждый, если бы его коснулось подобное.

В 1952 году меня призвали на срочную службу в Армию. Служить довелось в Шяуляе, это в Литве. Нас было пять человек из Воронежской области. Когда нас построили, начали переключку и назвали мою фамилию – Вернигора Василий Константинович из Николаевки Вейделевского района Воронежской области. Командир еще раз переспросил откуда я. Ему сказали. Нас расселили по казармам, вскоре меня вызвали к командиру. Я растерялся: зачем? Что случилось? Но пришел в кабинет командира, он поднялся из-за стола, подошёл, обнял меня и сказал: «Это я был у вас в землянке, вы меня лечили и кормили, вы меня спасли. Спасибо тебе и твоей семье за всё. Моя фамилия Цитович, я – белорус. Ты меня не видел тогда, я тоже не видел тебя, но вот видишь, через сколько лет мы встретились с тобой!» Командир забирал меня к себе домой на выходные, мы отдыхали, но в части ничего не говорил. Да и зачем? Говорил, что мы с ним родственники. Уговаривал оставаться служить, стать военным, но я не захотел. Вернулся через три года в родную Николаевку».

